

Прим.ред.– О Бьорне Борге у всех почитателей тенниса сложился стереотип, как выдающегося игрока, находившегося в ранге 1 ракетки мира с 1979 по 1981 годы 109 недель (с небольшими перерывами), 11-кратного обладателя титулов турниров «Большого шлема», выдержанного и стойкого единоборца. Но мало, кто знает как о личной жизни теннисиста-миллионера, так и о мотивах неожиданного завершения блистательной карьеры в 26 лет (не по причине травм). Именно о другой стороне медали жизни Борга повествует книга **Ларса СКАРКЕ** (Lars Skarke), вначале изданная в 1992 году на шведском под названием «**ПРАВДА: МОИ ГОДЫ С БЬОРНОМ БОРГОМ**» (с.333). А на следующий год английское издание этой книги получило название «**БЬОРН БОРГ: ПОБЕДИТЕЛЬ ТЕРЯЕТ ВСЁ**» (с.357).

Автор являлся многолетним менеджером Бьорна Борга и его самым близким другом, вернее “его бывшим другом”, потому что сразу после выхода в свет книги Борг разругался с Скарке и даже подал на него в суд за клевету. Однако, вскоре теннисист забрал свой иск, тем самым негласно признав, что всё изложенное в книге, – правда.

Книга на русский язык переведена журналистом Йожефом Саси.

Глава первая: ДРАМА В МИЛАНЕ

Обычно из-за многочисленных пробок поездка из аэропорта Нарита в центр Токио занимает почти четыре часа, но в тот вечер, 7 февраля 1989 года, мне необыкновенно повезло: на хайвэе было не так много машин, и такси, доставившему меня и моего компаньона Стига Шёблома в гостиницу, потребовалось всего лишь два часа – сущий пустяк, по японским меркам. Всё время поездки по вечерним токийским предместьям я потратил для изучения – в который уже раз – документов первого официального аудита нашей с Бьорном менеджерской компании – «Björn Borg Desing Group» (BBDG) (прим.ред.– «BBDG» – компания, основанная в 1985 году Боргом на паях со Скарке). Компании, в которой я владел сорока процентами и чьи активы недавно достигли 40 миллионов долларов, что позволяло “великому Боргу” вести жизнь беззаботного плейбоя-рантье. К тому же в ближайшее время счёт моего компаньона должен был увеличиться как минимум на семь миллионов благодаря трём контрактам с японскими фирмами. Именно эта “сладкая морковка” и заставила меня в тот день сесть в самолёт и перелететь на другой конец света – в Страну Восходящего солнца. И это несмотря на всю мою нелюбовь к суши, негимаюки, темпуре и прочей азиатской отраве!

Не успел распаковать чемодан, как в номере раздался продолжительный, явно междугородный, звонок. На другом конце провода я услышал голос нашего финансового директора Йохана Денекампа, и по его тону сразу понял, что это не просто звонок вежливости.

– Ты слышал новость, о которой здесь, в Монте-Карло, наперебой сообщают все газеты и телеканалы. Оказывается, наш Бьорн обрюхатил какую-то тинейджерку в Америке! (*прим.ред.– Тинейджер – подросток*).

– Этого не может быть! Борг, конечно, кобель, каких мало, но он не идиот, чтобы связываться с несовершеннолетней, – заверил я собеседника. – Это всё сплетни жёлтой прессы. А может быть, происки Дженники (бывшая многолетняя подруга Борга, родившая ему сына Робина), которая готова вылить на него любую грязь, лишь бы заполучить опеку над Робинотом...

Моя твёрдая уверенность в невинности Борга, в конце концов, передалась финансисту, и на прощание Денекамп пообещал, что немедленно созовёт пресс-конференцию, чтобы обелить имя своего патрона. И так, Йохан успокоился и вернулся к своим обязанностям, но зато теперь у меня на душе начали кошки скрести. Как никто другой, я отчётливо понимал, что может означать внезапно вспыхнувший скандал для «BBDG». Ведь Бьорн Борг был не просто совладельцем компании, но и её главным капиталом и символом. И любой скандал, разгоревшийся вокруг его имени, мог принести всем нам многомиллионные убытки или, того хуже, поставить на грань краха весь бизнес.

Не скажу, что американская история сильно удивила меня. Я слишком долго вращался в мире тенниса и неоднократно был свидетелем того, как смазливые девицы буквально запрыгивали в постели к туповатым и сексуально озабоченным теннисным профи, чтобы затем шантажировать их ради пары-другой тысяч и неизменных пятнадцати минут всеобщей известности. И чем больше проблем возникало у теннисиста в личной жизни (а в то время Борг вёл затяжную судебную тяжбу с Дженникой Бьёрлинг по поводу опеки над их сыном), тем чаще выползали на свет всевозможные "охотницы за скальпами". Это был неизбежный процесс, и с этим я смирился! Поэтому в тот вечер я не особенно расстраивался насчёт Бьорна и сразу после лёгкого ужина лёг спать, совершенно не подозревая о той неприятности, которая надвигалась на всех нас.

Свой первый день в Токио я начал со звонка в Стокгольм младшей сестре Лене, которой поручил заботиться о своём главном богатстве – золотых аквариумных рыбках. Кроме того, по роду своей профессии Лена работала обозревателем в стокгольмской вечерней газете и была в курсе всего происходящего. Уж лучше бы я не звонил! Услышав мой голос, сестра почему-то сразу перешла на крик: "Ты знаешь, что твой маньяк сделал? У нас весь Стокгольм сейчас ходуном ходит!"

– Он не виноват, – стал оправдываться я, – это всё наговоры! Бьорн не делал ребёнка этой школьнице!

– О каком ребёнке ты говоришь! – услышал в ответ. – Причём здесь школьница, когда несколько часов назад Борг попытался покончить жизнь самоубийством. Ласси, неужели ты не слышал об этом?

Если бы в тот момент в номер залетела шаровая молния, то это не так потрясло меня, как новость о том, что весельчак и плейбой Бьорн решил свести счёты с жизнью. Сказать, что в этот момент я был потрясён, значит, ничего не сказать. Я был просто убит и уничтожен, и лишь с огромным трудом смог задать вполне естественный в такой ситуации вопрос:

– А он ещё жив?

– Не уверена! По последним сведениям, врачи ещё борются за его жизнь! – ответила Лена.

Я положил трубку и начал лихорадочно размышлять. Неужели Борг опять сорвался и принялся за наркотики? На память сразу пришёл наш довольно откровенный разговор годичной давности в Лос-Анджелесе, когда после второй банки пива Бьорн вдруг заявил, что ему всё смертельно надоело и, самое главное, не для кого жить. Но тогда он явно находился в депрессии, сильно переживая уход Дженники. За прошедшее время многое в его жизни

изменилось – и прежде всего он познакомился с Лореданой (*прим.ред.– Речь идёт о знаменитой итальянской певице Лоредане Берте, на которой Борг женился в 1988 году*). Неужели между Боргом и Берте произошла столь серьёзная ссора, что Бьорн решил наложить на себя руки?

Тут в дверь постучали, и в номер буквально влетел Стиг Шёблом. Не здороваясь, я подлетел к телевизору и включил канал «CNN». С экрана на меня взглянул улыбающегося Борга, а подпись под ним не оставляла никаких сомнений в случившемся: «Новость дня: попытка самоубийства теннисного чемпиона». И тут же симпатичная ведущая с не типичной американской фамилией Ролица Василева поведала о том, что сегодня ночью Бьорн Борг принял около двадцати таблеток снотворного, и если бы не жена, вовремя обнаружившая его, то сегодня он уже был на том свете.

Когда попадаешь в такую ситуацию, нет ничего хуже неизвестности. Поэтому мы со Стигом тотчас засели за телефоны и начали обзванивать всех наших компаньонов, друзей и родных Борга. Прежде всего, нам нужно было узнать, что же произошло ночью и каково самочувствие несостоявшегося самоубийцы. И только после того, как мы на пару сделали более дюжины звонков и переговорили со всеми, начиная с юриста Борга Игмара Авелдала и заканчивая матерью теннисиста – Маргарет, картина случившегося наконец-то прояснилась.

... А произошло вот что. Поздно вечером в миланской квартире Чино Маркезе – руководителя европейского филиала известной менеджерской конторы «International Managment Group» (IMG) раздался звонок. "Кого там чёрт послал!" – сонно спросил Маркезе в трубку и вдруг услышал на другом конце истерический женский крик: "Чино, помоги мне! Я не могу разбудить его! Я не знаю, что случилось, но он не дышит! Боже мой, у него на столе тюбик со снотворным. Нет, этого не может быть! Он покончил с собой!"

Несмотря на истерику и рыдания говорившей, Чино сразу узнал Лоредану Берте – одну из самых популярных певиц Италии и с недавних пор жену Бьорна Борга. И тотчас понял, кто скрывается под словом "он". (Позже в личном разговоре Чино признается, что известие о попытке самоубийства шведа не слишком удивило его: "К этому всё шло! Я давно предупреждал Борга, что, если он не прекратит свои дикие оргии на яхте и невероятные любовные похождения, в один прекрасный день окажется либо на кладбище, либо, если, конечно, повезёт, в тюрьме!").

– Вы что, опять подрались? Или ты снова его застукала с несовершеннолетней? Признавайся, что между вами произошло! – спросил плачущую Лоредану прекрасно осведомлённый о привычках шведа Маркезе.

– Ничего особенного! Я снова завела разговор о ребёнке, но он взбесился и выгнал меня из спальни! Всю эту ночь я провела в гостиной на диване, а когда его увидела снова, то он лежал неподвижно на ковре рядом с нашей кроватью.

– Надеюсь, кроме меня, ты никому больше не звонила? – задал свой последний в то утро вопрос Маркезе и, услышав утвердительный ответ, немедленно оделся и отправился на виллу Боргов в одном из самых престижных районов Милана, чтобы свести к минимуму тот урон, который одним движением руки Борг нанёс как своей карьере, так и многим людям, поставившим на него.

Отличный водитель, Чино прибыл к месту будущего скандала уже через пятнадцать минут. То, что он увидел, сильно встревожило его. Голый, смертельно бледный Борг лежал на полу без всяких признаков жизни. А рядом с телом нервно ходила полураздетая Лоредана в состоянии, близком к шоку. Каждую минуту она подсакивала к неподвижному мужу и начинала его трясти: "Аморе миа! Не оставляй меня одну! Ты не должен умирать, пока не сделаешь мне ребёнка!"

С трудом оттащив женщину, Чино взял холодную руку Борга и попытался нащупать пульс. К немалому удивлению, сердце шведа ещё билось! Но нужно было действовать незамедлительно, чтобы спасти его. Агент тотчас набрал номер "скорой помощи": "Я звоню с виллы на Акоста, 10. С моим приятелем произошёл несчастный случай – он наглотался снотворного и теперь умирает."

– Как зовут вашего приятеля и сколько ему лет? – невозмутимо спросила оператор связи.

– Не всё ли вам равно, как его зовут. Он может через несколько минут умереть, а вы интересуетесь его именем, – возмутился Чино.

– Я действую по инструкции и прежде всего должна заполнить карточку вызова! – всё тем же бесстрастным голосом парировал оператор.

– О, мой Бог! Впрочем, какая разница – его имя... Бьорн Борг!

В трубке воцарилось гнетущее молчание.

– Неужели тот самый? – наконец, спросила девушка на другом конце провода.

– Да, тот самый теннисист! – только и мог ответить ей Чино.

Машина "скорой помощи" приехала через три с половиной минуты, что, учитывая традиционные утренние миланские "трафики", было почти рекордом. Двум дюжим санитарам потребовалось немало усилий, чтобы оттащить от тела её мужа близкую к помешательству Берте, которая по прежнему твердила: "Любимый, не оставляй меня одну!" Потребовалось несколько пощёчин и пятьдесят капель успокоительного, чтобы певица пришла в себя. Быстро одевшись, даже не причесавшись, она села в мобильную амбулаторию и отправилась вместе со своим, все ещё пребывающим без сознания любимым в ближайший госпиталь, где их уже ждали десятки корреспондентов ведущих итальянских и европейских телеканалов. Увидев собравшуюся "волчью свору", Лоредана не выдержала и сорвалась: "Убирайтесь вон, ублюдки, сволочи! Оставьте нас в покое! Неужели у вас совсем нет сердца!" Ещё мгновение – и она бы набросилась на телевизионщиков, но, к счастью, Чино в последний момент перехватил её и утащил в приёмное отделение.

А там уже медики вовсю работали над больным. Первым делом они провели анализ крови, обнаружив, что теннисист принял за один присест двадцать таблеток довольно слабенького снотворного – рофинол (он часто потреблял "рофинол" во время многочисленных полётов и переездов, из-за чего со временем его организм приспособился к лекарству – обстоятельство, сыгравшее едва ли не главную роль в спасении Борга). Лишь после двух часов интенсивной терапии к Бьорну вернулось сознание. Первыми его словами после путешествия с того света были: "Где моя Лоредана! Прости меня, я не хотел тебя обидеть!" Происшедшее в Милане не оставило равнодушным ни одного из многочисленных друзей и компаньонов теннисиста. Но труднее всего пришлось нам со Стигом. Ведь мы пролетели почти десять тысяч миль, чтобы заключить контракты с японскими рекламодателями под имя Бьорна Борга. И вот в тот самый день, когда мы намеревались подписать многомиллионную сделку, наш "логан" выкинул фортель. Теперь только псих мог позволить себе удовольствие вкладывать деньги в потенциального жмурика. Чем-чем, а расстройством психики японские бизнесмены, несмотря на свою отвратительную кухню, никогда не страдали.

Весь день мы со Стигом лихорадочно ломали голову над тем, что же делать. Возвращаться на родину или попытаться всё же довести сделку до конца. "Какой же он идиот! – всё время повторял Стиг. – Если он выживет, то я обязательно скажу ему в лицо всё, что я думаю!"

– А он тебя тотчас уволит! – усмехнулся я. – А то ещё хуже, физиономию начистит!

– Уж лучше быть без работы и с подбитым глазом, чем работать на такого психа, как Борг! – возразил мне Шёблом. И вдруг, приблизившись ко мне, прошептал: "Ларс, если честно! Неужели тебе доставляет удовольствие работать на человека, который ни тебя, ни кого другого ни в грош не ставит! Ведь в один прекрасный день он даст тебе пинком под зад, и ты обнаружишь, что все твои денежки перекочевали в карманы его шлюх!"

В тот раз я ничего не ответил своему напарнику. Но его горькие слова впервые заставили меня задуматься о моих отношениях с самым великим теннисистом, когда-либо выходивших на корты Земли. И чем больше я размышлял над этим, тем чаще приходил к выводу: Борг – человек ненадёжный и в любую минуту может подставить меня. А значит, теперь мне придётся всегда быть настороже!

Глава вторая: ЛЮБОВЬ ПРИХОДИТ И УХОДИТ

За внешностью невозмутимого викинга, каким все болельщики считали и считают до сих пор Борга, всегда скрывался страстный и необычайно любвеобильный мужчина. Теннисист, которому для эмоциональной "подзарядки" постоянно требовались женщины. Но поскольку у чемпиона никогда не было времени для флирта и ухаживаний, неблагодарную задачу находить подружек для Борга взял на себя его лучший друг Кристофер Густафссон.

Борг и Крис познакомились при довольно курьёзных обстоятельствах, когда на следующее утро после шумной тусовки с пивом и девочками проснулись в одной постели. Пережив такое потрясение, они быстро подружились, и с той поры Крис стал для Бьорна собутыльником и компаньоном во всех его любовных похождениях. Всякий раз, приезжая в Стокгольм, Борг первым делом звонил не родителям, а Густафссону. "Привет, старый развратник!" – обычно приветствовал своего дружка. – "Ты готов оттянуться на полную катушку сегодня вечером?" И не было ни одного случая, чтобы Кристофер отказался от подобного приглашения.

Вместе они "снимали" девчонок на дискотеках, вместе резвились с ними ночи напролёт в огромном, унаследованном Крисом от деда-миллионера доме в пригороде шведской столицы. С точки зрения Борга, Густафссон – был идеальным другом. Он никогда не просил денег, никогда не использовал его имя в личных корыстных целях, никогда не приставал с дурацкими просьбами типа: "Научи меня правильно подавать!" потому, что никогда в жизни не брал в руки ракетку, чем, кстати, всегда очень гордился. Зато Крис был заводилой всех весёлых компаний, где мог часами рассказывать анекдоты, пить одну бутылку пива за другой и при этом ещё находить время для своих многочисленных подружек. Многие коллеги Борга, и я точно это знаю, откровенно завидовали ему – ещё бы, ведь швед имел приятеля, с которым можно было отвлечься от суровых будней профессионального тенниса, позабыв ненадолго об этих пресловутых рейтингах, сетах и менеджерах. В компании с Кристофером Бьорн мог позволить себе сбросить ненавистную маску "холодного, лишённого всяких эмоций чемпиона" и показать своё истинное лицо – настоящего плейбоя, не способного пропустить ни одной юбки в радиусе тридцати метров.

Да, дружба Борга и Густафссона в то время строилась исключительно на совместной охоте за девушками. "В то время мы с Бьорном были просто зациклены на сексе и считали день бесцельно прожитым, если имели всего два свидания!" – вспоминал позднее Густафссон. Пользуясь своими связями в шоу-бизнесе (он числился одним из менеджеров крупнейшей звукозаписывающей компании в Швеции), Крис мог познакомиться практически с любой мало-мальски симпатичной девушкой на Скандинавском полуострове. А потом, когда она ему надоедала, Густафссон великодушно уступал её своему приятелю Бьорну.

Эти "золотые мальчики" были не только удачливыми, но ещё и очень тщеславными охотниками. Самым большим счастьем в жизни в те годы для них было затащить в постель какую-нибудь топ-модель или – ещё лучше – знаменитую поп-певицу. Обе солистки группы

«АББА», Оливия Ньютон-Джон, Лайза Миннелли и ещё целая команда знаменитых женщин – все они прошли через руки наших героев, специально державших для встреч со звёздными подружками номера люкс в стокахгольмских «Sheraton» или «Grand Hotel».

Пребывая подолгу за границей, Борг страшно скучал по своему другу-компаньону. Однажды, году примерно в 75-м, Бьорн не выдержал и во время очередного Открытого первенства США вызвал Криса в Нью-Йорк. А когда он через пару дней появился в отеле, радости теннисиста не было предела. В тот же вечер закадычные приятели, захватив за компанию тренера Борга Ланнерта Бергелина, отправились в знаменитую «Студию 54» (*прим. ред.– Мировой центр диско-музыки в 70-е годы: смотри последний клип группы «Pet Shop Boys» – «New York city boy»*), расположенную на пересечении Бродвея и 54-й улицы. Не успели они насладиться танцами "королевы диско" (*прим.ред– Лучшая танцовщица «Студии 54», чей образ в одноименном кинофильме воплотила знаменитая Сэлма Хайек*), как за их столик подсел сам Мик Джаггер, которому вдруг приспичило посоветоваться с теннисистом насчёт участвовавших судорог мышц во время концерта. Боргу в тот вечер совсем не хотелось говорить о теннисе, поэтому он переадресовал просьбу рокера своему тренеру. "Давайте я вас осмотрю! Надеюсь, здесь найдётся свободная комната!" – предложил Леннард, которому явно хотелось сбежать из шумного зала. Они вернулись через полчаса, причём Бергелин был явно потрясён от того, что увидел за кулисами «Студии»: "Господи, куда мы попали? Это не клуб, а настоящий наркопритон! Здесь в каждом углу либо курят "косячки", либо занимаются любовью".

В благодарность за сеанс бесплатного массажа и консультацию лидер «Роллингов» пригласил трёх шведов в свой находившийся неподалёку от «Студии» пентхауз, где можно было бы "оттянуться по полной программе". Компанию четырём мужчинам составили не меньше дюжины длинноногих очаровательных с коэффициентом умственного развития близким к нулю манекенщиц. В тот вечер Борг умудрился заняться любовью поочередно с четырьмя красотками, чем он потом ещё долго хвастался перед друзьями ("Я словно побывал в раю!"), но особенное впечатление на него произвела девушка под номером четыре – блондинка родом из Техаса, с роскошным бюстом и удивительно томным голосом, в устах которой слово "секс" звучало целую вечность. Однако продолжить знакомство с секс-бомбой Боргу не удалось – спустя несколько месяцев после их свидания Джерри Холл (так звали блондинку) стала официальной подружкой Мика Джаггера, после чего она надолго утратила всякий интерес к парням с ракетками.

Правда, на следующий год темп разгульной жизни Борга резко затормозился. К огромному удивлению его друзей, и в первую очередь Кристофера, Бьорн по уши влюбился. И ладно бы – в кинозвезду или на худой конец манекенщицу. Так нет, весной 1976 года Борга угораздило "вторгнуться" в совсем ещё юную теннисистку – Мариану Симонеску. Новая пассия имела не слишком эффектную внешность и к тому же числилась гражданкой, пожалуй, самой одиозной из всех коммунистических стран Восточной Европы – Румынии. Когда до меня дошли слухи о новом увлечении моего компаньона, я прямо спросил Бьорна: почему из длинного списка его подружек (включавшего четыре кинозвезды, семь популярных певиц, двенадцать манекенщиц и двух теннисисток) он выбрал, пожалуй, самую неприметную? На что Борг ответил мне с тяжёлым вздохом: "Эх, старик, знал бы ты, как я устал от этих глупых секс-бомб! Я решил немного перевести дух и перезимовать в тихой гавани".

Любовь между шведским миллионером-плейбоем и дочерью потомственных коммунистов возникла в самом подходящем для безумств месте – Париже во время «Ролан Гаррос-1976». На том чемпионате Борг дошёл до четвертьфинала, что после выигранных двух чемпионатов подряд можно было расценить как провал. Его новая подружка тогда выступила куда более успешно, дойдя до финала

юниорского турнира, закрепившись на втором месте в мировом рейтинге. В то время многие специалисты считали 18-летнюю Мариану одной из самых перспективных теннисисток в женском Туре и прочили ей большое будущее. И она наверняка стала бы великой чемпионкой, если бы... не познакомилась на одной из тренировок с Боргом.

Мариана влюбилась в шведа едва ли не с первого взгляда, и когда он пригласил её на свидание в гостиничный номер, девушка согласилась, не задумываясь. Борг после той первой их ночи был просто потрясен. "Ты не представляешь, она оказалась девственницей. Представляешь, сохранила невинность до 18 лет – подобное, наверное, возможно только в Румынии!" – поделился со мной своими впечатлениями от пережитого Бьорн.

Борг совсем потерял голову от "цыганки" (такое прозвище дала Мариане мать Борга Маргарет, сразу возненавидевшая новую гёрлфренд сына) и сделал ей предложение всего лишь через пять недель их знакомства. И потребовались поистине титанические усилия его матери, Кристофера и вашего покорного слуги, чтобы отговорить Бьорна от столь опрометчивого шага. Но окончательно развеять "цыганские чары", заколдовавшие его, даже нам оказалось не под силу. И четыре года спустя Борг сыграл свадьбу с Марианой, причём, не где-нибудь, а в Бухаресте, с благословения "Гения Карпат" Чаушеску и под бдительным контролем всемогущей тайной полиции "секуритате".

Их совместная жизнь началась значительно раньше свадьбы, но назвать её счастливой было бы большим преувеличением. Отказавшись от своей карьеры сразу же после встречи с Боргом, Симонеску вполне естественно рассчитала, что он по заслугам оценит её жертву. Однако швед оказался не таким прекрасным рыцарем, как его себе представляла румынка. Даже в самые страстные недели их романа Бьорн никогда не забывал о прежних подружках и при каждом удобном случае старался внести разнообразие в свою сексуальную жизнь. Мариана была осведомлена о всех его похождениях, тем более, что Борг никогда не скрывал своих увлечений. Чтобы приструнить любвеобильного бой-френда, Мариана неоднократно обращалась за помощью к Маргарет Борг, но мать чемпиона всякий раз отказывалась помочь ей. Однажды, например, она прямо заявила своей невестке: "Если мой сын ищет удовольствие на стороне, значит, ты ему перестала нравиться как женщина!" Уж лучше бы Маргарет помолчала! Потому, что после этого разговора молодая фру Борг стала чахнуть на глазах. У 23-летней девушки начались проблемы с почками, а вскоре к этому недугу прибавился ещё целый букет болезней. Первыми, как всегда, о заболеваниях жены Борга пронюхали репортёры британской бульварной прессы. Весной 1981 года лондонская «Daily Express» вышла с обширным заголовком на всю первую полосу: «У жены Борга – рак. Её дни сочтены». И хотя всё это на поверку оказалось враньём, но подобного рода публикации всегда причиняли большую боль и страдания бедной Мариане.

Мало изменилась ситуация и после переезда четы Боргов из Стокгольма в Монако. Жизнь в "налоговом раю" не принесла счастья супругам. Всё чаще и чаще Мариана была вынуждена проводить ночи одна в их огромной – четыре на четыре метра – кровати, тогда как Бьорн встречал рассвет в объятиях очередной подружки на борту своей яхты. У его жены оставался лишь один шанс удержать мужа – родить ему ребёнка. Но и здесь ей не повезло: в 1983 году врачи признали фру Борг бесплодной. После этого вердикта Борг решил, что продолжать комедию под названием "брак" не стоит, и через своих адвокатов известил жену о начале бракоразводного процесса на основании её "супружеской недееспособности". В апреле 1984 года они расстались, причём за свою свободу Борг заплатил по нынешним временам более чем умеренную цену. За восемь лет, прожитых с Бьорном, Мариана получила всего 700 тысяч долларов "отступных" и небольшой дом на Лазурном Берегу. Теперь Борг был свободен и мог снова вернуться к своему любимому вне корта занятию – охоте на длинноногих манекенщиц.

Глава третья: БЕЗ УМА ОТ ДЖЕННИКИ

После того как Бьорн Борг в 26 лет ушёл из большого тенниса по причине "полного физического и психологического опустошения", всю свою недюжинную энергию он обратил на секс и бизнес. О том, как Боргу удалось заработать за пять лет 100 миллионов долларов, разговор ещё впереди, а пока, если не возражаете, продолжим рассказ о его любовных похождениях. Покончив с теннисом раз и навсегда, как тогда наивному Боргу казалось, он вернулся на родину, купил огромную виллу в аристократическом предместье Стокгольма и с головой окунулся в мир столичной богемы. В ту пору любимым его развлечением стало участие в качестве члена или председателя жюри на всевозможных конкурсах красоты и бикини-шоу. Причём за свой специфический труд, выражавшийся в многочасовом пожирании глазами полубогажённых женских тел, Борг всегда получал особый гонорар – он мог пригласить любую понравившуюся участницу на свидание. И не было такого случая, чтобы девушка отказала знаменитости. Хотя нет, один раз всё-таки это случилось. И итогом этого "облома" стал едва ли не самый страстный роман в жизни моего компаньона.

Эта история началась в один из июльских вечеров 1984 года спустя всего пару недель после решения монашеского суда, объявившего о расторжении брака между Бьорном и Марианой Борг. Получив долгожданную бумагу об "освобождении", Бьорн принялся наслаждаться жизнью с удвоенной силой. В тот вечер он, по традиции, вместе с отправился в престижную дискотеку "Бульвар", чтобы попредседательствовать на очередном конкурсе «Topless lady». Там-то он и повстречал юную искательницу приключений Дженнику Бьорлинг.

Несмотря на возраст – а Дженнике не было и 18, – она уже успела немало пережить и повидать в этой жизни. Детство будущей подруги Борга прошло в одном из самых бедных районов Стокгольма, где её матери – продавщице приходилось работать в две смены, чтобы в одиночку вырастить трёх дочерей (отец семейства сбежал сразу после рождения младшей из девочек). Хотя Дженника и была старшим ребёнком в семье, но помощи от неё мать получала мало. Длинноногая блондинка больше всего ненавидела заниматься домашними делами, и добиться от неё такого пустяка, как помыть посуду после завтрака, было практически невозможно. Училась она хуже некуда: за восемь школьных лет так и не сумела научиться говорить по-английски, что для шведки было довольно странно. Зато никто в школе не умел так классно танцевать, как Дженника, проводившая почти всё свободное время на дискотеках и в ночных клубах. Эта рано созревшая девушка с личиком наивной школьницы и повадками "ночной бабочки" умудрилась лишиться невинности уже в 14 лет, а в 16 имела одновременно несколько дружков. В перерывах между танцами и любовными оргиями Дженника всё же смогла выкроить время для поездки в Париж – на пробы в знаменитое модельное агентство "Элит". Но дефилировать на подиуме и позировать перед камерами с утра до вечера для юной лентяйки оказалось настолько утомительным делом, что через полгода она вернулась в Швецию с твёрдым желанием поскорее окрутить какого-нибудь богатого лоха. По чистой случайности, в тот вечер одна из участниц конкурса бикини заболела, и организатор предложил мающейся от безделья Дженнике выйти на подиум. Разнообразия ради блондинка согласилась, совершенно не подозревая, что этот конкурс полностью изменит её жизнь.

Чтобы увлечься женщиной, Боргу никогда не требовалось много времени, достаточно было одного оценивающего взгляда. Так случилось и на этот раз. Увидев вышедшую на помост стройную блондинку с ногами от горла, к тому же в весьма откровенном бикини, Бьорн мгновенно загорелся, как бенгальский огонь в новогоднюю ночь. Все девяносто секунд, которые Дженника кривлялась – а назвать танцем демонстрированные ею тогда приседания и покачивания бёдрами было бы большим преувеличением, – теннисист не сводил с её тела похотливого взгляда. И когда настало время выставлять оценки, он оказался единственным, кто оценил жеманство юной прелестницы на "пятёрку". Остальные, более хладнокровные члены жюри единодушно поставили Дженнике "тройку", и в результате она даже не попала в пятёрку финалисток. Но долго горевать ей не пришлось – сразу же после окончания конкурса к ней подошёл Кристофер

Густафссон и произнёс фразу, которую за последние годы он произносил сотни раз: "Девушка, ваша красота произвела такое сильное впечатление на моего лучшего друга, что ему страстно захотелось с вами познакомиться! Кстати, его зовут Бьорн Борг!" На эти слова Дженника отреагировала, как и многие другие девушки, оказавшиеся на её месте, – раскрыла от удивления рот и прошептала: "Неужели тот самый Борг?" Вероятно, уже в следующий момент в её хорошенькой головке и возникла идея охмурить теннисного миллионера. И к выполнению этого изощрённого плана Дженника приступила немедленно.

Когда Крис по старой доброй традиции пригласил девушку на вечеринку в постоянно арендуемый номер стокгольмского отеля "Глаза", девушка изобразила на своём лице величайшее изумление: "Мы что там будем одни?" "Да, нет! С нами пойдут несколько парней и девушек!" – поспешил успокоить её Крис. "Это хорошо! Но я всё равно должна попросить разрешение у моей мамы!" – сказала Дженника и отправилась к телефонной будке. Через пять минут она вернулась, но не одна, с подружкой – костлявой, в ужасных очках и отчётливо видными усиками брюнеткой. "Мама разрешила мне поехать на вечеринку при условии, что вместе со мной поедет моя кузина Моника". (Как потом выяснилось, Дженника соврала – в тот вечер она не звонила матери). Крису, получившему инструкцию от своего приятеля – любой ценой затащить блондинку в номер, ничего не оставалось, как согласиться на "усатый довесок".

В течение всей многочасовой вечеринки Дженника продолжала успешно играть свою партию: мило щебетала с новыми подружками, изящно флиртовала с находящимися там парнями, не обращая никакого внимания на хозяина тусовки. Столь необычное поведение новой знакомой явно озадачило считавшего себя неотразимым красавцем теннисиста. Весь вечер он просидел в самом дальнем углу, куря одну за другой сигареты, накачивая себя пивом и не сводя глаз с юной красотки.

После того как настенные электронные часы отмерили полночь, многоопытные участники вечеринки начали организованно расходиться и вскоре в комнате не осталось никого, кроме Борга и Дженники, не считая, конечно, усатой кузины. Но та не представляла для парочки никакой опасности, поскольку к тому времени стараниями верного паладина Борга – Густафссона полностью отключилась, выпив два бокала его фирменного коктейля – смеси из текилы, джина и пива. Оставшись один на один с новым объектом своей страсти, Бьорн почувствовал себя значительно более уверенно и принялся осыпать девушку весьма двусмысленными комплиментами, самым безобидным из которых, как потом рассказывала мне Дженника, был: "У тебя изумительно гибкое и красивое тело, как бы я хотел увидеть тебя обнажённой в моей кровати!" Обычно такие, с позволения сказать, перлы нашего плейбоя проходили, и девушки тут же начинали раздеваться, в конце концов, оказываясь в той самой кровати. Но в планы не по годам опытной Дженники совсем не входил пункт о сексе на первом свидании со столь перспективным парнем. Поэтому она сыграла роль недотроги-девственницы, к которой так часто прибегают хитрые женщины, собираясь полностью прибрать к рукам богатого мужчину. "Когда Бьорн заплетающимся языком предложил мне раздеться, я тут же отвесила ему звонкую пощёчину и, схватив почти бесчувственную Моника, решительно направилась к выходу, осыпая его оскорблениями, которые бы сделали честь любому грузчику в стокгольмском порту", – спустя много лет со смехом будет рассказывать автору этих строк Дженника.

Так или иначе, но своей цели блондинка добилась – Борг совсем потерял голову от "недотроги". Не получив желаемого с первого захода, чемпион приступил к длительной осаде неожиданно возникшей на его пути крепости. Протрезвев наутро, он немедленно позвонил в ближайший цветочный магазин и распорядился доставить Дженнике на дом две дюжины алых роз с запиской: "Я молю о прощении! Дай мне шанс всё исправить! Твой Б.Б.". Не получив от неё никакого ответа, Борг на следующее утро послал уже пятьдесят на этот раз жёлтых роз. И снова – тишина! В третий день осады чемпион направился к дому Дженники сам, везя с собой в "мерседесе" пять корзин с цветами и огромного плюшевого медведя, на шее которого висел плакат: "Дженника, я люблю тебя!" И лишь тогда гордая красавица

соблаговолила сменить гнев на милость и согласилась отужинать со своим знаменитым ухажёром в одном из лучших ресторанов Стокгольма.

Следующая неделя прошла у них под кулинарным знаком: за эти семь дней они сумели посетить не меньше дюжины различных ресторанов, что обошлось Боргу в месячную зарплату преуспевающего менеджера. Но, несмотря на расходы, главной цели ему так и не удалось добиться! Красавица по-прежнему держала его на дистанции, лишь изредка позволяя целовать себя в щёчку или шею.

Время шло, и Борг от отчаяния был готов уже биться головой о стенку. Видя, в каком отчаянном положении оказался теннисист, на помощь ему поспешил верный Крис. В мозгу опытного сводника родилась блестящая мысль – организовать круиз на яхте "Александра", совладельцами которой они были, от Стокгольма до Гетеборга с заходом в Копенгаген и возвращением домой через три дня. Замысел, что и говорить, был неплохой: чем ещё, кроме безудержного секса, заниматься двум молодым людям, оказавшимся в одиночестве на яхте, которая плывёт на автопилоте вокруг унылого ландшафта южной Швеции? Однако хитрющая Дженника вновь всё испортила, притащив на судно вместе с собой страшилку Монику. Можете представить, какую физиономию скорчил Борг, когда услышал от девушки слова: "Мама мне разрешила ехать только вместе с кухней Моники". И все три дня высоченный Бьорн был вынужден спать на узеньком диване в тесной кают-компании, отдав на откуп Дженнике и Монике огромную кровать в собственной каюте. Мысль о том, что от Дженники – такой красивой и желанной, отделяет его всего лишь тонкая перегородка и какая-то усатая страхолюдина, не давала покоя викингу. За эти три дня он так ни разу глаз не сомкнул.

Когда Крис узнал о провале своего замысла, он поспешил утешить закадычного дружка: "Да, тебе не удалось затащить её в постель – и это большой минус, но в сложившейся ситуации есть и небольшой плюс. За две недели твоих ухаживаний ни одному мужчине не удалось приблизиться к Дженнике. А значит, твои шансы заполучить её увеличиваются с каждым днём!" Для окончательного решения этой почти невыполнимой задачи Крис предложил новый план – вывезти "объект" на загородную виллу теннисиста, которую тот приобрёл за 400 тысяч долларов ещё в 1978 году, но с той поры бывал там редко, поскольку неженка Мариана терпеть не могла тамошних комаров. "Действуй, как можно решительнее и с размахом!" – напутствовал Густафссон уходящего на "дело" приятеля. И Борг сделал всё, как тот ему советовал.

На следующий день к подъезду маленького домика, в котором подружка теннисиста жила с матерью и сёстрами, подъехал многометровый лимузин, из которого вышел шофёр в смокинге и передал Дженнике приглашение прибыть на торжественный ужин на виллу господина Борга в Остер. Заинтригованная девушка без раздумий села в авто, где обнаружила на заднем сиденье роскошное вечернее платье. Через полчаса переодевшуюся по пути красавицу привезли на стоянку частных вертолётов, откуда её по воздуху доставили прямо на виллу, где у парадного входа её приветствовали сам Борг, второй раз в жизни надевший фрак, и оркестр, исполнивший по случаю её появления заглавную мелодию из «Звёздных войн». Но на этом потрясения для дочери продавщицы в тот вечер не закончились. Впереди её ждал обильный – из пятидесяти блюд и закусок – ужин и вечерняя прогулка на лодке под луной, во время которой Бьорн сделал Дженнике свой первый подарок – браслет с маленькими изумрудами. После столь основательной артподготовки взять крепость Дженники было лишь делом техники. О том, что гениальный план Густафссона осуществился, я узнал на следующий день, когда купил вечерний номер столичной газеты «Svensk Damtidning»!. Заголовок на её первой странице гласил: «Борг нашёл себе новую любовницу по имени Дженника».

Глава четвертая: ПРОЩАЙ РАКЕТКА!

О том, какое место занимал Бьорн Борг в спортивном бизнесе, лучше всего свидетельствовал тот факт, что в начале восьмидесятых лондонский филиал компании «IMG» во главе с Питером Уортом занимался исключительно делами Борга и жил на щедрые комиссионные от них. В ту пору любая уважающая себя фирма мечтала заполучить Борга для рекламы своей продукции. И к 1982 году – времени неожиданного ухода Бьорна из большого тенниса – в активе моего компаньона числились пять контрактов с крупными компаниями и ещё дюжина мелких рекламных соглашений. Помимо постоянных съёмок в роликах, швед ещё неплохо зарабатывал и на так называемых "подъёмных" – "appearance money". Как самый популярный теннисист на планете, Бьорн получал за участие в каждом турнире от его организаторов 100 тысяч, что позволяло ему за сезон заработать не меньше трёх миллионов долларов, не зарегистрированных ни в одной налоговой декларации.

Все эти годы Уорт и его люди из «IMG» выполняли очень важную, почти "невыполнимую миссию": с одной стороны, обеспечить беспрепятственное поступление "подъёмных" на специальные счета Борга в одной из карибских стран, с другой – гасить потенциальные скандалы в самом зародыше. А опасность их появления возникала всякий раз, когда Борг проигрывал какому-нибудь аутсайдеру или новичку задолго до финала турнира. Вот тогда для успокоения оставшихся у разбитого корыта организаторов на авансцене появлялся умелый "пожарник" Уорт.

Весной 1982 года Питер торжественно отметил юбилей – пятилетие работы с Бьорном Боргом, благодаря которой он превратился из малоизвестного агента в одного из самых влиятельных менеджеров в теннисном мире. В честь этого события Уорт решил устроить себе небольшую передышку и отправился с женой и детьми на две недели во Французские Альпы. Но не успел он насладиться красотами горных пейзажей Валь-Дизере, как в бунгало зазвонил телефон и хорошо знакомый голос произнёс: "Питер, это Бьорн! Я тут подумал и решил уйти из этого чёртова тенниса! Вот сыграю в последний раз в Монте-Карло и повешу ракетку на гвоздь!"

- Ты что, опять кокаина нанюхался! – закричал в ответ Уорт. – Совсем с катушек слетел! Тебе ведь всего 26 лет и с такой игрой ты ещё как минимум четыре года сможешь быть первым! Я думаю, ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни!

- А мне абсолютно наплевать, что ты думаешь, – грубо прервал его Борг. – Я принял решение и уже не передумаю. И скажи спасибо за то, что предупредил тебя и «IMG» заранее, а не поставил перед свершившимся фактом.

На этом их разговор закончился. А вместе с ним закончился и отпуск Уорта. "Дорогая, похоже, у меня снова аврал!" – сказал он жене и тотчас связался с чикагским офисом хозяина «International Management Group» Марком Маккормиком. Известие о предстоящей гибели курицы, которая столько лет несла золотые яйца, буквально потрясло некоронованного короля тенниса. "Немедленно возвращайся на работу и сделай все, чтобы Борг отказался от этой бредовой идеи!" – распорядился Марк. Быстро собрав вещи, Питер отправился в аэропорт Гренобля и спустя всего два часа оказался в Лондоне, где первым делом собрал на "военный" совет всех своих помощников и агентов. Рядовые сотрудники менеджерской конторы были шокированы не меньше, чем их боссы. Хотя в последние месяцы швед старался выступать как можно реже – до злополучного звонка Уорту он успел в сезоне 1982 года выступить лишь в двух турнирах, сыграв всего десять официальных и три показательных матча, – не было, однако, никаких признаков, что Бьорн решил оставить теннис. Скорее, наоборот – едва ли не в каждом своём интервью и личных беседах с менеджерами и агентами Борг постоянно подчёркивал, что собирается играть до тридцати лет. "Я в прекрасной форме и намерен снова выиграть "Ролан Гаррос", – заявил швед Уорту всего за три дня до его отъезда на отдых в Альпы.

Наряду с шоком от неожиданного известия менеджеры из «IMG» испытывали ещё и вполне объяснимое чувство страха перед предстоящей потерей многомиллионных прибылей. Долгие годы Бьорн был символом могущества «International Management Group» и

одним из главных источников её благосостояния. Ведь только на одних комиссионных от многочисленных контрактов шведа менеджерская контора зарабатывала около двух миллионов долларов ежегодно. А в этом – 1982 году – «IMG» имела все шансы состричь дополнительно со "шкур" Борга ещё один миллион.

Не желая терять столь лакомый кусок, ребята бравого Маккормика решили переубедить строптивного шведа, воздействуя на ахиллесову пяту всех теннисных профи – их алчность. При встрече с диссидентом, которая состоялась в офисе конторы через два дня, Уорт и Ко напомнили шведу, что его главные спонсоры – «Donnay» и «Fila» заключали многомиллионные контракты с Боргом, как действующим теннисистом. И в случае его преждевременного ухода из тенниса эти договоры автоматически аннулируются. Не забыли менеджеры и о бедных организаторах турниров, финансовое благополучие которых во многом зависело от того, будет ли выступать на соревнованиях лучшая ракетка мира? А под конец беседы тактично намекнули скандинаву о возможных судебных исках против него на сумму не в один десяток миллионов "зелёных". Однако Борг не поддался на этот шантаж и решительно заявил: "Мне надоел этот теннис, и я готов отдать последние деньги, лишь бы вырваться из западни. И никто не сможет меня остановить!" За пять лет тесных контактов со шведом Уорт уже успел изучить характер чемпиона и знал, что если Борг говорит "Нет", то переубедить его практически невозможно. И воинству «IMG» пришлось отступить несолоно хлебавши.

Лично для меня решение Борга об уходе не стало большим сюрпризом. Ещё летом 1980 года, находясь в зените своей славы после пятой подряд победы на Уимблдоне, Бьорн признался, что ему чертовски хочется поменять свой образ жизни, уйти из тенниса и стать простым обывателем. Одна из фраз, сказанная им тогда, надолго осталась у меня в памяти: "Была бы моя воля, я бы завтра же бросил теннис. Но боюсь, что менеджеры и рекламодатели никогда мне не позволят этого!" И это говорил теннисист, два дня назад одержавший победу, наверное, в самом зрелищном матче за всю историю мирового тенниса – финале «Уимблдона-1980» против юного Джона Макинроя: 1/6, 7/5, 6/3, 6/7, 8/6. Теннисист, сумевший всего за семь сезонов выиграть по пять чемпионатов «Ролан Гаррос» и Уимблдона, да ещё и пятьдесят других турниров, и считавшийся в свои 24 года "величайшим игроком всех времён и народов".

Месяц спустя Борг снова вернулся к этой теме, когда мы на борту сверхзвукового «Конкорда» летели в Нью-Йорк на очередное Открытое первенство США. "Меня многие называют великим игроком, но это далеко не так! – вдруг сказал Бьорн. – Что стоят все мои титулы, если я до сих пор так и не выиграл «US Open»". И, сделав паузу, заговорщицки прошептал: "Вот выиграю американский чемпионат и сразу уйду!" Победить в Нью-Йорке было настоящей идефикс Бьорна. Судьба четырежды обнадёживала его, но всякий раз в решающем поединке он терпел неудачу. Если Америкой Борг грезил, то при любом упоминании Австралии у него всякий раз портилось настроение. Он никак не мог забыть той выволочки, которую устроили ему журналисты одной из мельбур газет во время его первого (и, как потом оказалось, последнего) выступления на «Australian Open-1974». Тогда стараниями репортёров на свет появился обширный репортаж об интимном свидании Борга с теннисисткой из Мальме Хелен Анлио. Когда об этом узнали на их родине, то в Швеции разразился шумный скандал – ведь Хелен было всего лишь 16 лет. И только благодаря высоким покровителям и своевременно выплаченной компенсации родителям нимфетки Боргу удалось избежать уголовного преследования по обвинению в "совращении несовершеннолетней". Но после этого случая швед дал слово никогда не приезжать в этот "мерзкий и зловонный вертеп" под названием Мельбурн.

А год спустя свершилось неизбежное – тот самый Макинрой, прервав 41-матчевую беспроигрышную серию Борга, выиграл его "законный" Уимблдон. Сидя в раздевалке, швед не мог сдержать эмоций: "Ты посмотри, каков негодяй! Он делает всё, чтобы я ушёл из тенниса побеждённым!" Через два месяца история повторилась – Макинрой снова одолел Борга, на этот раз в финале Открытого чемпионата США. Четвертая по счёту неудача на «US Open» так потрясла шведа, что он отказался выступать на итоговой пресс-конференции, ограничившись кратким заявлением: "Сегодня вы видели, что произошло! Это было шоу Макинроя, а я на нём выступал лишь в качестве статиста! Ничего другого я сказать вам не могу, да и не хочу!" С этими словами он покинул несчастливый для него «Флашинг Медоу» (*прим.ред.– Парк в Нью-Йорке, в котором находится Национальный теннисный центр США им. Билли Джин Кинг. Как правило, стадион называют по месту его расположения "Флашинг Медоу"*) и в сопровождении полицейского эскорта отправился на свою виллу в Ньюпорте. Вероятно, в этот момент Бьорн осознал, что его время в теннисе подходит к концу.

Во всяком случае, после того двойного фиаско он стал выступать значительно реже и даже начал отказываться от участия в выставочных матчах, хотя за каждое его появление организаторы платили ему тогда не меньше 200 тысяч долларов. С окончанием победной эры разом обострились все его травмы и болячки, полученные во время двадцатилетней теннисной каторги. И всё чаще Боргу приходилось начинать день не с тренировки, как обычно, а с довольно мучительного сеанса восстановительного массажа. Во время одной из таких попыток, а уже шёл февраль 1982 года, Бьорн вдруг заявил своему тренеру Леннарту Бергелину по прозвищу Лаббе: "У меня уже нет ни сил, ни здоровья, чтобы продолжать эту гонку! Видимо, скоро мне придётся закончить, так и не выиграв этот «US Open»!"

Последним толчком, побудившим шведа на столь ранний уход, стало неожиданное поражение на одном из американских турниров, которое повергло чемпиона в депрессию. Ещё бы, ведь он проиграл какому-то 16-летнему сосунку и к тому же своему соотечественнику – некому Матсу Виландеру. В тот же вечер Борг позвонил мне в Стокгольм и грустно сказал: "Всё, моё время кончилось! Если уж я не могу одолеть таких цыплят, то пора завязывать!" Я попытался было развеять дурное настроение своего компаньона неприкрытой лестью: "Бьорн, не обращай на это внимания! Ты был, есть и всегда будешь самым лучшим!" Тогда мои слова, видимо, успокоили теннисиста, и он вновь вернулся на корт. Но ненадолго – и уже через месяц, не поставив в известность никого из близких, Борг принял решение об уходе. И нам всем оставалось только подчиниться ему!

Всего через четыре недели после драматической отставки Борга "желторотый сосунок" Матс Виландер выиграл Открытое первенство Франции. Король умер – да здравствует король!

Глава пятая: ИГРОК, КОТОРЫЙ УМЕЛ СЕБЯ ПРОДАВАТЬ

В историю профессионального спорта Бьорн Борг вошёл не только как один из самых величайших теннисистов, но и как первый спортсмен, сумевший заработать сто миллионов долларов. И это в те далёкие времена, когда турниры со 100-тысячным призовым фондом считались богатыми, а достижения игрока оценивались не по количеству выигранных им чемпионатов, а по тому, сумел ли он заработать на корте заветный миллион "зелёных".

Когда Борг был совсем маленьким мальчиком и в его голове не было других светлых мыслей, кроме как стать великим теннисистом, покорить мир, чтобы затем жениться на шведской принцессе Марии, его дедушка – старый моряк Бьорн (в честь которого он и получил

своё имя) дал малышу один очень умный совет: "Забудь о своих победах как прошлых, так и будущих – и думай только о том, как бы заработать ещё больше денег". Эти слова старого морского волка так сильно запали в душу теннисного вундеркинда, что с первых же дней профессиональной карьеры Борг принялся "заколачивать бабки" всюду, где только это возможно.

Первым железную хватку Бьорна в финансовых делах ощутил на себе руководитель Шведской теннисной федерации Матс Хассельквист, когда летом 1972 года пригласил Борга сыграть за национальную сборную в очередном розыгрыше Кубка Дэвиса. Ответ 16-летнего юниора буквально потряс теннисного босса: вместо того чтобы радоваться оказанной ему чести, Борг потребовал от федерации выплаты специальных гарантий из расчёта 10 тысяч долларов за каждый матч. Возмущённый до глубины души подобным рвачеством, Хассельквист отказался платить. В тот момент он и представить себе не мог, что пройдёт всего два года и шведской федерации, как миленькой, придётся выплачивать специальную премию своему лидеру – 20 тысяч долларов за каждую игру в составе "Тре Крунур".

Одна из наиболее успешных финансовых операции, проведённых Боргом в то время, стала его свадьба с Марианой Симонеску 24 июля 1980 года. В то время как подавляющее большинство тратило на организацию бракосочетания огромные суммы, нередко залезая в долги, Борг умудрился соединить приятное с полезным: жениться на любимой (как ему тогда казалось) девушке, а заодно заработать немалые деньги. Подготовка к первой самокупаемой свадьбе в истории человечества началась за полгода до волнующего события – в январе 1980-го, когда Борг объявил о том, что собирается жениться на родине невесты – в Бухаресте. Этим выбором он сразу расположил к себе румынского диктатора Чаушеску, который в качестве ответного жеста взял все расходы на себя, точнее, на бюджет самой нищей страны Восточного блока. Взамен "Гений Карпат" твёрдо решил превратить "королевскую свадьбу" в пропагандистское шоу, прославляющее достижения Румынии под "чутким и умелым" руководством её вождя. Но аполитичного Борга это мало волновало: главным для него было то, что диктатор взял на себя расходы по размещению гостей, их транспортировке и обеспечению безопасности и т. п.

Пока несколько сотен строителей под наблюдением агентов "секуритате" ударными темпами ремонтировали единственную в Бухаресте протестантскую кирху, а Мариана обходила один за другим парижские дома моделей, Борг вместе со своими агентами занимался поисками спонсоров. Желаящих раскошелиться на предстоящее торжество вскоре оказалось так много, что Боргу пришлось устроить своеобразный тендер. В категории "иллюстрированный журнал" победу одержал французский «Пари Матч», предложивший 300 тысяч долларов за эксклюзивную съёмку свадьбы. Другим "счастливчиком" стал автомобильный концерн «SAAB», одолевший двух своих вечных соперников «Volvo» и «Mercedes». За какие-то шестьсот тысяч долларов "саабовцы" получили право сначала доставить Борга в церковь, а затем по окончании церемонии отвезти молодожёнов на шикарном белом лимузине в аэропорт. Всего же стараниями менеджеров к подготовке свадьбы было подключено пятнадцать спонсоров, среди которых оказались и такие гиганты, как «Fila» (спортивный инвентарь) и «Omega» (швейцарские часы), так и «карлики» – «Suntan» (солнцезащитные очки) и «Lois» (джинсовая одежда из Швеции). В своём стремлении как можно больше заработать Борг дошёл до того, что согласился за 100 тысяч долларов рекламировать (и это в медовый-то месяц!) презервативы фирмы «LifeStyles». Руководствуясь принципом "с бору по сосенке", ему удалось заработать на

своей свадьбе два миллиона долларов. (Этот рекорд продержался почти двадцать лет и был превзойдён только в прошлом году "стильной" Викторией Адамс и Дэвидом Бекхемом, сумевшими получить со своей свадьбы почти четыре миллиона долларов).

Становящееся с каждым годом всё более заметным рвачество Борга не нравилось многим его родным и знакомым, не говоря уже о журналистах и болельщиках. Но на все их упрёки и замечания швед не обращал никакого внимания. В деле выколачивания денег он целиком и полностью полагался на своего главного агента – Марка Маккормика. Однажды в разгар нашей дружбы, когда у него не было от меня секретов, Борг рассказал довольно занятную историю о том, как он оказался под "крышей" Марка. В те времена мир тенниса был поделён между двумя менеджерскими конторами – «IMG», возглавляемой Маком, и «ProServ» во главе с Дональдом Деллом. Когда акции Борга пошли резко в гору, между Доном и Маком немедленно развернулась борьба за право "первой ночи" с суперзвездой. Предложения, одно заманчивее другого, сыпались на семнадцатилетнего шведа чуть ли не каждый день. "Но чутье подсказывало мне, что нужно ещё немного подождать!" – вспоминал Борг. И вот спустя три месяца, когда цена договора дошла уже до 10 миллионов долларов, Бьорн решил, что настало время сделать окончательный выбор. Маку и Дону предстояло пройти решающее испытание – угостить ужином Борга в самом роскошном лондонском ресторане. Первым выступил Делл, выложивший почти полторы тысячи фунтов за ужин из шести блюд. Но на следующий день Мак оказался ещё более щедрым, превзойдя конкурента примерно на 500 фунтов – именно столько стоила ему транспортировка 10 фунтов свежайшей серой икры на самолёте прямо из Ирана к их столу. И хотя вскоре выяснилось, что Маккормик немного сжульничал (подкупленный метрдотель заранее сообщил ему сумму, потраченную Деллом предыдущим вечером), но Борг выбрал именно его, и за последующие десять лет ни разу не пожалел об этом. В прошлом неудачливый гольфист, Маккормик оказался на редкость умелым финансистом, благодаря которому состояние Борга ежегодно увеличивалось в среднем на пять-шесть миллионов. Стараниями Мака Бьорн стал первым профессиональным спортсменом, имеющим так называемые двойные контракты. Так, по соглашению с «Diadora» (10 миллионов на пять лет – по тем временам огромные деньги) Борг должен был играть в кроссовках этой фирмы на кортах Европы, Азии и Австралии. Но прилетая в Америку или Канаду, шведу приходилось переодеваться в туфли от «Tretorn» (пять миллионов за три года "мучений"). И подобных примеров можно было найти немало!

Все преимущества от делового союза с Маккормиком Бьорн ощутил в полной мере летом 1973 года, когда после долгих размышлений надумал переселиться из Стокгольма в Монако. Решение покинуть родину стало вынужденным и было ответом на драконовские меры тогдашнего социал-демократического правительства Улофа Пальме, обложившего шведских миллионеров более чем грабительским 70-процентным налогом на доходы. Стараниями людей Маккормика переезд шведа №1 из унылого Стокгольма в монакский "налоговый рай" был организован столь умело, что всесильная налоговая служба узнала о бегстве капиталов теннисного мультимиллионера лишь из газет. А когда опростоволосившиеся мытари попытались было наказать родителей теннисиста, компания Маккормика попросту вывезла Руни и Маргарет Борг во Францию, где они немедленно получили статус постоянных жителей, дающий им право не платить налоги в шведскую казну, при этом оставаясь "подданными короны". Все сведения об этих и подобного рода операциях заносились Марком Маккормиком и его доверенным человеком в специальную "Голубую книгу", которая охранялась столь же строго, как план развёртывания стран – членов НАТО на случай танкового прорыва русских. С одной лишь разницей: агентам КГБ и «Штази» всё же удалось получить доступ к этой "святыне", тогда как шведские налоговики так и не узнали о существовании документа, при помощи которого Борга можно было засадить за решётку.

Раз в год – обычно в канун Рождества – Боргу вручали копию годового отчёта, но саму "Голубую книгу" ему так ни разу не удалось даже подержать в руках. Можно было только догадываться, о каких цифрах шла речь в этой книжке. Ведь согласно только официальным данным, «International Management Group» получала за свои услуги одну десятую каждого гонорара Борга, плюс 15 процентов с его "подъёмных", или "арреансе money", и четверть всех рекламных денег. Правда, со временем, когда доходы от рекламы стали исчисляться восьмизначными цифрами, сумма последней "премии", по настоянию Борга, была уменьшена до 20 процентов. Все эти миллионы, как "борговские", так и "макинровские", сразу же отправлялись на счета не приметной голландской фирмы «ESM», которая затем переправляла их в одну из оффшорных зон – Британские Виргинские острова, где слово "налоги" считалось чем-то вроде ругательства. В том райском местечке Борг имел два совершенно независимых банковских счёта. Паролем для первого послужило название самого шикарного борделя в Монако – «Герсилия», а второй открывался при помощи заветного слова "Дракула" – вот оно влияние супруги-румынки! (Только не считайте меня безответственным болтуном – этих счетов уже давно в природе не существует!).

Но было бы ошибкой считать, что в деле стрижки банкнот Борг полагался исключительно на Маккормика. Нет, если выпадала такая возможность, он брался за любую халтуру, способную принести быстрые деньги. Примечательной стала история с первой коллекцией спортивной и нижней одежды от Борга. Это сегодня никого не удивит линией кроссовок от Макинроя или парфюмом Сабатини, а тогда, в семидесятые, появление на прилавках магазинов маек и спортивных костюмов с ярлыком «Björn Borg» вызвало настоящий ажиотаж в Западной Европе, принеся их "отцу" за один лишь 1980 год 7 миллионов долларов (*прим.ред.– На первом фото Борг с родителями*).

Да, у Борга было всё, что нужно для успеха: великий талант, необычайная сила воли, упорство и удивительная деловая хватка. Благодаря всем этим качествам он первым из профессиональных спортсменов сумел заработать более 100 миллионов долларов. Если бы Борг родился лет на десять позже и выступал бы в 90-е, то, уверен, с такими талантами ему бы не составило большого труда сделать миллиард долларов.

Глава шестая: КОСЯЧОК ДЛЯ ГОСПОДИНА ПОСЛА

Когда о появлении у Борга новой подружки – Дженнике узнали журналисты, "дольче витта" суперзвезды, да и всего его окружения закончилась в один момент. Обезумевший от любви и почти постоянного секса с небольшими перерывами на обед и сон, Бьорн не испытывал никакого желания не то чтобы общаться, но даже попадаться на глаза прессы. И на меня с Густафссоном выпала нелёгкая задача: удерживать уже почуявших кровь репортёров и фотографов на безопасном расстоянии от влюблённых. Только за первую неделю августа 1984 года – как раз когда Дженнике превратилась из просто подружки в основную гёрлфренд теннисиста – мне на пару с Крисом пришлось дать около сорока интервью, в которых я не жалел красок, расписывая выдающиеся достоинства новой подружки Борга и романтическую историю их знакомства. (Согласно моей версии, Бьорн влюбился в неё с первого же взгляда, но Дженнике, как честная и порядочная девушка, отказывалась встречаться с ним до тех пор, пока он не разведётся).

Пока любовники пребывали на загородной вилле Борга, затерянной в глухих лесах, куда можно добраться только на вертолёте, мы могли гарантировать им полный интим. Проблемы начались на вторую неделю их "медового месяца", когда однажды утром красавица подверглась жестокой атаке со стороны местных комаров. Этого оказалось достаточно, чтобы Дженнике закатила бойфренду бурный скандал. "Сколько нам прохлаждаться в этой хижине!" (То, что она называла "хижиной", на самом деле было трёхэтажным особняком с джакузи, кинозалом и полем для мини-гольфа). "Здесь так холодно и противно! Я хочу поехать на тёплое море!" – кричала она Боргу. Это первое столкновение с дружкой в качестве его официальной "гёрлфренд" Дженнике выиграла, что называется, за явным преимуществом. Вечером того же дня Борг позвонил мне и усталым голосом попросил организовать в течение ближайших часов полет до Лос-Анджелеса, чтобы оттуда на зафрахтованном частном самолёте отправиться на Гавайи.

Хотя задача, поставленная передо мной Бьорном, относилась к разряду трудновыполнимых, я всё же сумел исполнить её в поставленные сроки. Чтобы сбить со следа репортёров, я от имени Борга забронировал билеты на рейсы в Испанию и Италию из пяти крупнейших аэропортов Швеции. А пока представители прессы металась между Стокгольмом или Мальме в поисках сладкой парочки, влюблённые в специально нанятом микро-автобусе с тонированными стёклами отправились в соседнюю Данию – на рейс местной авиакомпании №410: Копенгаген – Лос-Анджелес. Для большего уединения любовников во время длительного авиаперелёта мне пришлось немало потратиться – скупить половину мест в салоне первого класса. Потом Борг долго ещё благодарил меня за проявленную смекалку, ведь тогда ему удалось осуществить свою давнюю мечту – заняться любовью прямо в салоне. До той поры весь его любовный опыт в полётах ограничивался урывочными сеансами секса с бортпроводницами в тесных туалетах. Я уж не стал говорить Бьорну о том, что мне пришлось дать по 200 долларов на лапу каждой стюардессе в первом салоне, чтобы они закрыли глаза на шалости великого чемпиона. Вот так, без особых приключений, мы добрались до Лос-Анджелесе, где нас уже ждала девятиместная "Сесна" (*комфортабельный небольшой самолёт*), готовая к решающему рывку на восхитительные Гавайи.

От всех этих треволнений я уснул, как только оказался в кресле "летающего такси". А когда через три часа проснулся, то почувствовал сладковатый запах, столь знакомый по временам студенческих тусовок. Сомнений не было – кто-то в салоне курил марихуану. Я обернулся и увидел сзади меня идиотски улыбающегося Борга с дымящейся самокруткой в руке.

- Проснулся, соня! – приветствовал он меня. – А я вот решил подкрепиться перед очередным сеансом любовной гимнастики! Отборная травка, мне в Лос-Анджелесе один китаец её поставляет! Кстати, а сам ты что предпочитаешь: косячок или понюшку кокаинчика?

- Эту гадость вообще не употребляю! – ответил я. – И удивлён, что ты это делаешь!

- А что тут удивительного? Я не знаю ни одного теннисиста, который хотя бы раз не сделал затяжки! Хотя нет, вру, среди нас остался один "девственник" – Иван Лендл. Этот парень избегает всего, что могло бы причинить вред его драгоценному здоровью, начиная от марихуаны и заканчивая "Биг-маками".

- Но как можно играть в теннис и в то же время быть наркоманом? – не унимался я.

И тогда Борг, которому марихуана уже окончательно развязала язык, поведал мне весьма любопытную историю о том, как он пристрастился к наркотикам в раздевалке одного из самых престижных теннисных турниров в мире. С его слов выходило, что в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов мужской "Гран-при" (так в ту пору именовался нынешний АТР-тур) на три четверти состоял из теннисистов, пристрастившихся к наркотикам. Заводилой во всеобщем "ширянии" был американец Витас Герулайтис, а

самые крутые тусовки проходили на яхте Гильермо Виласа, стоящей на пирсе яхт-клуба Монако. В ту пору аргентинский мачо был в интимной связи с любимой дочерью князя Рене – принцессой Каролиной, поэтому местная полиция закрывала глаза на все его шалости, включая покупку ядовитого зелья у ливийских наркоторговцев. Именно Вилас и стал проводником Борга, тогда ещё 17-летнего паренька, в мир сладкого дурмана. Как-то зайдя в раздевалку и застав там расстроенного неожиданным поражением юного шведа, аргентинец предложил ему для поднятия настроения выкурить самокрутку. Поначалу Борг отнёсся к этой идее крайне отрицательно. Но опытный искуситель Вилас быстро растолковал все преимущества "нового вида релаксации" и – главное – его "полную безвредность".

Мол, какой может быть вред спортсмену от одной затяжки в день или пары косячков в неделю? И Бьорн сдался! Сначала осторожно, тайком от всех, потом в открытую на вечеринках и приёмах швед стал затягиваться принесёнными Гильермо или кем-либо ещё косячками. Вскоре швед обнаружил, что всего одна затяжка после тяжёлого матча снимает напряжение и усталость. А после двух жизнь становится полным кайфом. Вот с этого всё и началось!

Пока Борг выступал в "Гран-при", ему каким-то образом удавалось контролировать себя. Но стоило Бьорну покинуть теннис, как он перестал сдерживаться. И к моменту описываемых событий Борг уже настолько пристрастился к наркоте, что не мог представить себе день без выкуренной "травки". Однако внешне эта зависимость пока никак не проявлялась: благодаря большим физическим нагрузкам (а Борг взял себе за правило, помимо часовой тренировки на корте, проплывать ежедневно по пять километров в бассейне и три часа париться в сауне) ему удавалось до поры до времени если и не нейтрализовать, то хотя бы сводить к минимуму все вредные последствия от наркотиков. Но во время "медового месяца" с Дженнике Борг по вполне объяснимым причинам перестал тренироваться (как шутил сам экс-теннисист, его новая подружка была способна заменить пять супермощных тренажёров), продолжая в то же время выкуривать ежедневно по одному законному косячку. И последствия столь опрометчивого поведения оказались печальными.

Шёл пятый день нашего пребывания на Гавайях, когда на территорию виллы, приобретённой Боргом на деньги от первого выигранного Уимблдона, протаранив ворота, вдруг въехал красный джип. В следующую секунду раздался дикий скрежет тормозов и из кабины вывалился какой-то парень. При ближайшем рассмотрении нарушителем оказался накурившийся Борг. Великий чемпион находился в полной отключке и мог только мычать. Позже стало известно, что, высадив подружку в торговом центре, Борг отправился в

"Маленький Сайгон" – печально известный центр наркопритонов в Гонолулу и, видимо, перебрал с дозой. Но как ему удалось добраться невредимым до виллы и при этом не попасться в руки копов, для меня осталось загадкой. При помощи нескольких пощёчин и вылитого ведра воды мне удалось ненадолго вернуть Борга в сознание. Посмотрев на меня мутным взглядом, он пробормотал: "Дженнике не должна видеть меня таким!" – и опять отключился.

Мы быстро отнесли Борга в домик охранников, а когда Дженнике, обвешанная с ног до головы пакетами с покупками, вернулась на виллу, Густафссон скормил ей байку о том, что Бьорна срочно вызвали на секретную встречу с его менеджерами в один из отелей Гонолулу. Будучи длинноногой смазливой блондинкой (иными словами полной дурой), Дженнике поверила в эту историю и отправилась загорать на частный пляж, не подозревая, что её возлюбленный находится всего в двухстах метрах от неё, а вокруг него бегают врачи и массажисты, пытаясь поставить на ноги к утру.

Объединёнными усилиями нам удалось вернуть Борга в сознание, и на следующее утро он предстал перед своей подружкой. Глядя на его помятое небритое лицо и круги под глазами, Дженнике полюбопытствовала: "Ты что, с местными шлюхами всю ночь развлекался?" "Да ты, что! Я никогда не изменял тебе!" – искренне возмутился Борг.

"Мы просто всю ночь пропьянствовали, отмечали новый выгодный контракт! Ты же знаешь ребят Мака, они все вопросы решают только при помощи виски!" – как ни в чем не бывало солгал он.

О том, что её бойфренд – наркоман Дженнике узнала лишь через два года, когда, будучи беременной, полезла в его портмоне за аспирином, а нашла там готовую самокрутку. При всем своём скудоумии она все же поняла, какую опасность таит марихуана для здоровья отца её будущего ребёнка. Дженнике буквально заставила Борга пройти двухмесячный курс в одной известной частной клинике близ Женевы. Стараниями верных друзей о лечении Бьорна не узнал ни один репортёр. Но если бы пресса пронюхала о наркозависимости Борга, скандал бы получился грандиозным. Ведь к тому времени швед уже целый год выполнял важную дипломатическую и просветительскую миссию – был послом Детского фонда ЮНИСЕФ. Находясь на этом посту, Борг объездил почти двадцать стран и всюду выступал с гневными филиппиками в адрес распространителей наркотиков и страстными призывами к защите детей от наркотиков.

Вот написал я эти строчки и живо представил такую милую картину. Борг стоит на трибуне и клеймит наркоманию, а потом спускается вниз, быстро оглядевшись по сторонам, затягивается "косячком". Затем снова возвращается в зал, чтобы продолжить свой "крестовый поход", и так до следующей затяжки. Полный кайф, да и только!

Глава седьмая: СЕМЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Хотя Дженнике и Бьорн помирились сразу после его возвращения из США, но происшедшее (*прим.пер.– Будучи в Вашингтоне, швед отправился на приём к президенту Рейгану без Дженнике, которую американцы не пригласили в Белый дом по причине того, что она не была законной женой Борга*) не могло не отразиться на их отношениях. И однажды, вернувшись под утро домой после бурной ночи в "Пещере" на пару с гостившим у него Витасом Герулайтисом, Борг обнаружил свою подругу лежащей без сознания с пустым пузырьком от снотворного в руке. Надпись на зеркале в ванной: "Как мне всё это надоело!" – не оставляла никаких сомнений в том, что Дженнике решила наложить на себя руки. Друзья тотчас схватили уже ни на что не реагирующую женщину и отвезли в ближайший госпиталь, где незадачливой кандидатке в самоубийцы сделали полное промывание желудка. Несмотря на случившееся и своё не самое лучшее – после "пещерного" кутежа – состояние, у Борга хватило ума заплатить врачам и медсёстрам, чтобы они не распространялись о случившемся.

Но от меня у него никогда не было секретов – и как только Дженнике оказалась в руках врачей, Бьорн позвонил мне и попросил приехать. Отправляясь в госпиталь, я ожидал увидеть растерянного, не находящего себе места человека, но, к моему немалому удивлению, в приёмном отделении меня встретил совершенно спокойный, владеющий собой Бьорн, на лице которого не было ни малейшего признака растерянности. Впервые за долгие годы я увидел прежнего Борга – того самого “викинга”, хладнокровно громившего одного соперника за другим. Наблюдая в то утро за поведением своего компаньона, я сделал вывод, что попытка самоубийства любовницы не стала для него большим сюрпризом, и внутренне швед давно был готов к такой развязке многолетнего романа с матерью своего единственного ребёнка.

Поначалу я, грешным делом, подумал, что любовница Борга решила сыграть спектакль с целью выжать из него ещё больше денег. Но чем дольше я анализировал события последних недель, тем более печальной открывалась передо мной картина происшедшего. Со стороны глупой и излишне впечатлительной Дженнике это был не просто крик о помощи. Это была отчаянная попытка вырваться из замкнутого круга, в который её заточил знаменитый бой-френд. Из-за своего пристрастия к кокаину и полной неспособности приспособиться к нормальной жизни вне теннисного корта прежде такой жизнерадостный и весёлый Борг постепенно превратился в дикого ревнивого самца, находившего прямо патологическое удовольствие в постоянных мучениях любовницы. Изменяя ей при каждом удобном случае, Бьорн вместе с тем тщательно охранял свою собственность от посягательств чужих. Мало того, что он запрещал Дженнике ходить в короткой юбке и загорать в бикини, так ещё Борг следил за всеми её контактами и разговорами. Его одурманенному кокаином мозгу не давала покоя мысль, что кто-то из друзей спит с Дженнике в его отсутствие. В своей паранойе он дошёл до того, что стал подозревать в предательстве закадычного приятеля Гильермо Виласа. Три месяца два специально им нанятых частных детектива следили за каждым шагом аргентинца, посетив за это время вместе с ним около тридцати стран на трёх континентах. Итогом их кропотливого труда стал двадцатистраничный отчёт, где назывались имена дюжины любовниц теннисиста (среди которых были дочь главаря аргентинской хунты и популярная голливудская дива). Однако пинкертонам так и не удалось найти никакого доказательства адюльтера Дженнике и Гильермо. Казалось, после такого конфуза, стоившего ему почти 50 тысяч “зелёными”, Борг должен был уgomониться – но не тут-то было! После того, как аргентинец выбыл из числа подозреваемых, ревнивец переключил весь свой пыл на молодого и пока ещё мало кому известного Матса Виландера. Как-то во время одного из приёмов Борг специально отозвал меня в сторону и спросил: “Тебе не кажется, что этот выскочка из Ваксио подъезжает к моей женщине?” И он кивнул в сторону Матса, который буквально пожирал глазами мило щебетавших в углу Дженнике и пухленькую в кудряшках блондинку. “Успокойся, Бьорн, на твою собственность никто не покушается!” – успокоил я компаньона. – “Просто девушка, с которой разговаривает Дженнике – это его подружка, её зовут то ли Анна, то ли Аннет. Они только недавно стали встречаться, и Виландер просто без ума от неё!” (прим.пер.– *Через несколько лет Матс разлюбит Аннет Ольсен и в лучших традициях латиноамериканских сериалов уступит её своему лучшему другу – Стефану Эдбергу. Из этого случайного романа и возникнет один из самых удачных семейных союзов в истории профессионального тенниса!*). Мои слова, видимо, показали столь убедительными, что с того дня Борг перестал обращать внимание на Виландера и занялся другим “злодеем” – неким банкиром, который однажды имел наглость при встрече поцеловать “личную собственность Борга” в щёчку. И неудивительно, что после всех этих скандалов и издевательств в один прекрасный день Дженнике взялась за упаковку снотворного.

Ведь за эти пять лет её жизнь с Боргом из сказочной “фиесты” превратилась в полную безысходность, из которой, как ей казалось, существовал только один выход!

Врачам удалось быстро поставить незадачливую самоубийцу на ноги, и всего через три дня Дженнике выписалась. Я решил встретить бедняжку в госпитале, поскольку серьёзно опасался, что взбешённый Борг начнёт выяснять с ней отношения прямо в приёмном отделении. Но Бьорн сдержался – во многом из-за состояния его подружки. За эти три дня под капельницей Дженнике постарела лет на пятнадцать, и когда она появилась в дверях госпиталя, я поначалу даже её не узнал, настолько бледной и постаревшей она выглядела. Когда мы наконец уселись в лимузин, Дженнике вдруг с рыданиями бросилась на шею любимому и запричитала: "Прости меня, дуру! Я не хотела этого! Прости и только не бросай меня!" И тут на лице моего компаньона появилась – правда, всего на мгновение – презрительная усмешка. "Успокойся, дорогая! Как ты могла подумать, что я тебя – мать моего сына – брошу! Мы ещё свадьбу сыграем!" – сказал Борг и как можно деликатнее высвободился от цепких объятий любовницы. Магическое слово "свадьба" подействовало на подружку чемпиона целительнее многих лекарств и снадобий. Дженнике мгновенно перестала плакать и успокоилась. А у меня из головы не выходила усмешка Борга – в последний раз он так злорадно улыбался полгода назад, когда увольнял своего лучшего друга – Криса Густафссона. Того самого Криса, который в течение пятнадцати лет был компаньоном Борга во всех его любовных похождениях и развлечениях и знал все его тайны.

На правах "лучшего друга" Крис, едва ли не единственный во всем окружении Борга, мог позволить себе говорить теннисной суперзвезде правду и часто не соглашаться с ним. За что в один прекрасный день и поплатился, получив по почте (!) от Борга уведомление об увольнении вместе с чеком выходного пособия за три месяца. Поначалу бедолага счёл все это очередной шуткой приятеля и набрал номер офиса Борга, чтобы вместе с ним посмеяться. Но дозвониться до лучшего друга ему не удалось – вместо Бьорна ответил бесстрастный голос его секретарши: "Мистер Борг очень занят и просил вас никогда больше его не беспокоить! И ещё он попросил вам передать следующее сообщение: "Нашей дружбе – конец, но если ты вдруг вздумаешь болтать, я тебя уничтожу!"

Хотя я и замечал все признаки растущего охлаждения в отношениях между двумя приятелями, но известие о таком внезапном разрыве безмерно удивило меня. Рискуя навлечь гнев Борга, я всё же при встрече поинтересовался причинами, заставившими его столь грубо порвать со своим лучшим другом. На удивление Бьорн отреагировал на моё любопытство весьма спокойно: "Я его застукал – этот ублюдок спал с моей женщиной!" "А ты точно уверен в этом?" – усомнился я. "Да, две недели назад я застал их, купающимися в моем джакузи!" – ответил Борг и на его скулах заиграли желваки – первый признак наступающей ярости. Внезапно, схватив мою руку, Бьорн наклонился и прошептал прямо в ухо: "Обещай мне, что никогда больше не будешь общаться с этим мерзавцем! Дай слово, что больше никогда не станешь разговаривать с ним по телефону!" И он сжал моё запястье с такой силой, что я немедленно дал ему все эти обещания. Но хватило меня ненадолго, и когда на следующий день позвонил Крис и попросил о встрече, я согласился. В тот же вечер, соблюдая все меры предосторожности, мы встретились на борту экскурсионного теплохода, совершавшего круиз по стокгольмской бухте. "Борг – больной человек!" – сразу с места в карьер начал Крис, – "Наркотики совершенно затуманили ему мозги. Он вбил себе в голову, что Дженнике изменяет ему со мной, и только наркологи смогут переубедить его в этом!" Тут Густафссон сделал паузу и стал озираться по сторонам. "Моя беда в том, что я знаю слишком много тайн Борга! А таких ходячих сейфов с компроматом, как я, обычно не оставляют в живых!" – понизив голос, произнёс Крис – "И я решил рассказать тебе всё, что знаю о Бьорне! Надеюсь, что эта информация пригодится тебе в борьбе с этим психом!"

В последующие два часа Крис поведал мне немало интересного о жизни Борга, о чём я даже не догадывался, хотя и считался его доверенным лицом. Многие из того, что сообщил в тот вечер бывший друг теннисиста, вошло в эту книгу, но кое-что, самое скандальное и самое страшное, я решил оставить на чёрный день, как своеобразный страховочный пояс на случай возможной мести Борга. Пароход ещё только медленно подплывал к пирсу, когда Крис попрощался со мной. "Береги себя и всегда держи ухо востро с этим человеком! Ведь для

него нет ничего святого!” – сказал он, и махнув рукой на прощание, сбежал на нижнюю палубу, где сразу смешался с толпой многочисленных туристов.

Вскоре я получил новые доказательства правоты Криса Густафссона. Осенью 1987-го Борг без всяких объяснений уволил тренера Леннарта Бергелина – человека, который фактически сделал из него суперзвезду. Хотя к тому времени швед уже давно не выступал, но Леннарт по-прежнему выполнял почётные обязанности его тренера, получая за это более чем высокую зарплату в фонде Борга. И никто, даже скупердяи-бухгалтера, за все эти годы ни разу не подняли вопроса о целесообразности выплат столь значительных сумм бывшему наставнику Бьорна. Все понимали, что таким образом чемпион пытается вознаградить старого человека за все, что он делал для него.

Уж не знаю, какая кошка пробежала между тренером и его бывшим воспитанником, но в один из ноябрьских дней на очередном заседании правления фирмы Борг вдруг разразился гневным спичем по адресу тех, кто ничего не делает в офисе и получает за это огромные деньги. “Я приказываю всех их уволить в течение одной недели!” – распорядился хозяин и вручил начальнику отдела кадров список из 12 “бездельников”, в котором под номером четыре значился Леннарт Бергелин. Теннисист даже не удосужился встретиться со старым учителем и ограничился тем, что послал ему чек с выходным пособием. Известие об отставке буквально потрясло старика, и через несколько дней у него произошёл первый инфаркт, а затем ещё через полгода – второй.

Расставшись с двумя самыми близкими людьми, Борг однако не форсировал свой разрыв с Дженнике. И дело было не столько в его чувствах к ней, сколько в их ребёнке – Робине. Пока Дженнике в отчаянной попытке позабыть происшедшее опустошала один за другим магазины в Стокгольме, целая группа адвокатов и детективов, нанятых её любовником, собирала компромат, способный убедить любой суд, что фру Бьорлунд – хроническая алкоголичка, патологическая нимфоманка, которую и близко нельзя подпускать к сыну.

И когда наступил “день икс”, Борг предъявил ультиматум своей опостылевшей любовнице: или расстанемся по-хорошему (я тебе миллион долларов, а ты мне сына!), или начнём процесс, который ты всё равно проиграешь! Припёртой к стенке Дженнике ничего не оставалось, как принять все условия Борга.

А вскоре у маленького Робина появилась новая “мама” – знаменитая итальянская поп-дива Лоредана Берте. Когда Борг представил мне эту не первой

молодости крашеную брюнетку с грудями размером с футбольные мячи в моём сердце сразу возникла стойкая антипатия к итальянке. Но, как оказалось, это чувство было взаимным – когда после ужина я вышел на балкон их роскошной квартиры в Милане, то через приоткрытое окно в гостиной до меня донёлся хриплый голос певички, выговаривающей своему другу на итальянском, который я выучил ещё в университете: "Не знаю, как тебе, но этот Ларс мне не нравится! Тебе нужно от него поскорее избавиться!" С минуту Борг молчал, а потом вдруг произнёс: "Не трогай Скарке – это неприкасаемый! Быть может, со временем я от него избавлюсь, как от Криса или Леннарта, но пока он мне нужен, даже больше, чем я ему!"

Глава восьмая: ОТВЕТНЫЙ УДАР

Бьорн Борг ушёл из моей жизни так же странно, как и появился в ней. Чёрная кошка между нами пробежала в тот августовский день 1991 года, когда во время полёта из Стокгольма в Ниццу я попросил Бьорна больше не приезжать ко мне домой (каждый его приезд обычно кончался тем, что, напившись, наш "плейбой" начинал говорить непристойности и приставать либо к моей жене, либо к старшей дочери) и ограничиться встречами в офисе и деловыми отношениями. Тогда Борг согласился выполнить мою просьбу, но при этом посмотрел на меня так, что стало ясно – с этой минуты я приобрёл нового и очень злопамятного врага, который при первом же удобном случае ударит в спину. Бьорн никогда не мог похвастаться обилием друзей – он слишком трудно сходилась с людьми, а теми, с кем всё же смог подружиться, по-настоящему не дорожил. И использовал их по 24 часа в сутки, как детектив Магnum в исполнении Тома Селлека из одноименного сериала. Однако, в отличие от телегероя, Борг не обладал ни чувством юмора, ни очаровательной улыбкой, ни шармом, из-за чего никто не выдерживал дружбы с чемпионом более трёх лет. Я же был рядом с Бьорном целых тринадцать (вот и не верь после этого в приметы!), во время которых познал, как много радостных моментов, так и немало разочарований.

У многих читателей этой книги могло сложиться мнение, что молодой Борг, пятикратный победитель Уимблдона, и зрелый Борг, с которым я на протяжении многих лет вёл бизнес, – это два совершенно противоположных человека. Эдакий теннисный вариант милейшего доктора Джейкея и страшного уroda мистера Хайда. Увы, мне придётся снова разочаровать поклонников моего бывшего компаньона – Борг никогда не был паинькой, и "хайдовские" черты проявлялись в нём ещё тогда, когда швед был лучшим теннисистом планеты и кумиром для миллионов юных спортсменов и школьниц. В ту пору никто из фанатов и вообразить себе не мог, что в свободное от корта время их идол курит травку, пьёт, как грузчик, и не пропускает ни одной юбки. Даже став преуспевающим бизнесменом и отцом семейства, Борг не остепенился – наоборот, со временем он превратился в законченного плейбоя и авантюриста, для которого в жизни не существовало ничего святого, кроме секса и наркотиков. Разгульная жизнь, в конце концов, превратила "истинного викинга" в параноидального типа, которому всюду мерещились заговоры и измены. Поэтому, когда он избавился от своего "алтер эго" (с латыни "другой Я") Криса Густафссона, мне стало ясно, что следующей его жертвой станет Ларс Скарке, поэтому необходимо срочно предпринять меры, чтобы этот разрыв прошёл как можно более безболезненно для моих финансов.

И я решил, что настала пора узаконить наши "дружески-деловые отношения" с помощью официально заверенного документа. Мои адвокаты подготовили документ о партнёрстве, который я тотчас представил на изучение своего компаньона. Как и следовало ожидать, предложенный договор сразу не понравился Боргу: "Ларе, зачем эта бюрократия! Ведь мы же друзья и все эти годы делили доходы фифти-фифти (прим.авт.– На самом деле автор этих строк, выполнявший львиную долю работы получал всего лишь 25 процентов, тогда как Борг, не вылезавший из ночных клубов и джакузи, загребал все две трети доходов) и без всяких филькиных грамот! – раздражённо произнёс он. И вдруг спросил: "Неужели ты думаешь, что я смогу обмануть?"

– Ну, что ты Бьорн! – поспешил успокоить его. – Я доверяю тебе, но все мы под Богом ходим и лучше, на всякий случай, нам подстраховаться! А то мало ли, что может случиться!" ("Например, ты подставишь меня, как Криса или выбросишь на свалку, как Бергелина – подумал я, продолжая мило улыбаться и клясться ему в верности). К счастью, в тот день рядом с ним не было этой истеричной злючки Лореданы, поэтому Бьорн сопротивлялся недолго и после того, как я клятвенно пообещал оставаться с ним до гробовой доски, правда, чьей именно не уточнил, он поставил подпись на соглашении о нашем партнёрстве, согласно которому, я приобретал 40 процентов акций – второй после Бьорна – пакет в нашей совместной корпорации «BBDG», а взамен выплачивал Боргу в качестве компенсации миллион долларов, который он впоследствии благополучно спустил за одну неделю в казино Монте-Карло. Получив заветную подпись компаньона, я успокоился и решил, что теперь мне уже ничто не угрожает. Но не тут-то было! Вернувшись в Стокгольм, Лоредана, тщательно ознакомившись с теми решениями, которые были приняты во время её трёхнедельного лечения в клинике красоты в Берне, устроила мужу большую выволочку. Как мне потом рассказывал один из очевидцев, итальянская фурия бросала на пол всё, что ей попадалось под руку, и кричала: "Идиот! Как ты мог подписать эту бумагу, ведь мы теперь никогда не избавимся от этого проклятого Скарке!" Неудивительно, что после такой взбучки Борг решил всё переиграть и отправил ко мне своего посланника – Джулиана Якоби. Личный адвоката Бьорна застал меня в Фалуне, где я проводил уик-энд с моими дочерьми – Анной и Сисси.

– У меня новость, которая, наверняка, расстроит тебя, – начал Якоби и по его тону я понял, – быть беде – Борг под давлением одной всем нам известной особы решил пересмотреть условия вашего соглашения. Он хочет вернуть себе 15 из сорока, отданных тебе процентов акций, и предлагает в качестве компенсации 100 тысяч долларов!..

– Неужели эта итальянская мегера совсем лишила его мозгов! У нас с ним договор! – возмутился я.

– Борг собирается опротестовать его, если ты не согласишься всё переиграть!

"Успокоил" меня Якоби, – Да и можешь не звонить ему, они с Лореданой решили заняться сёрфингом и отправились на недельку на Гавайи..."

"Он всё таки меня кинул!" – пронеслось у меня в голове, но сказал я совсем другое: "Мне нужно время, чтобы всё обдумать! Завтра утром ты получишь мой окончательный ответ!"

Вернувшись в номер, я немедленно связался со своими адвокатами и их рекомендация не слишком утешила меня. Если дело дойдёт до суда, то стоимость акций резко упадёт в цене, и я останусь ни с чем. Но и безнаказанно сносить "борговский" рэкет было нельзя. Если он так поступил со мной всего через месяц после "полюбовного соглашения", то нет никакой гарантии, что Борг снова, на этот раз по-крупному, не кинет меня. Например, возьмёт и за моей спиной продаст корпорацию каким-нибудь японцам или другим богатым иностранцам. И тут меня осенило: лучшей мести, чем лишить Борга компании, носящей его имя не было! Часы в бунгало показывали четверть одиннадцатого вечера, когда я вновь взял телефонную трубку и набрал лондонский номер Роджера Гриффина – одного из руководителей межнационального концерна «Меркурий», давно мечтавшего заполучить логотип "великого Борга". "Роджер, извините за столь поздний звонок, но у меня неотложное дело! Не хотите ли вы заполучить контрольный пакет «BBDG»?

– А что он у вас есть? – с фирменной британской ехидцей в голосе поинтересовался Роджер.

– Нет, но я знаю, как его заполучить! – ответил я и поделился с ним деталями, только что придуманного плана.

Чтобы сместить Борга с поста председателя правления не потребовалось никакого заговора и изощрённых в духе героев сериала «Династия» интриг. Летом 1990 года, когда он испытывал большие проблемы со свободными средствами, Борг весьма опрометчиво заложил 20 процентов акций своей компании, а потом сделал ещё большую глупость – забыл вовремя выкупить их. Дело оставалось за малым – напомнить владельцу заложных, первому Стокгольмскому банку, о том, что он в любой момент может вступить во владение

имуществом. С этими 20 "заложенными" процентами, моими 25 и 15, принадлежащих другим более мелким акционерам, набрались 60 процентов. Вот так благодаря нехитрой комбинации хозяин и лицо «BBDG» в одночасье лишился контрольного пакета. Как ни был велик соблазн, но я всё же решил не участвовать на том историческом собрании акционеров компании, которое плавно переросло в аутодафе Борга. Проиграв, он повёл себя совсем не как джентльмен: устроил тут же в конференц-зале скандал, осыпал всех оппонентов нецензурной бранью и под конец запустил в нового председателя правления ракеткой, которая многие годы висела на стене, как символ его побед. Единственным человеком в окружении экс-теннисиста, кто извлёк выгоду из его вынужденного ухода из «BBDG», оказалась Лоредана Берте, которая, воспользовавшись случаем, убедила своего супруга покинуть несчастливую для него шведскую землю и заняться бизнесом в её родной Италии. И в очередной раз Борг пошёл на поводу у женщины: в начале 1992 года он перевёл все свои активы, включая и трастовый фонд, на Апеннины, где основал очередную компанию имени самого себя. На тот момент личное состояние Бьорна оценивалось почти в 56 миллионов долларов и многие бы сочли эту сумму огромной. А ведь каких-то три года назад имущество моего компаньона оценивалось почти на порядок выше – 400 миллионов "зелёных". Как Боргу удалось растратить за 50 месяцев более трети миллиарда долларов – это осталось тайной, как для меня, так, наверное, и для самого Бьорна...

Бьорн стал суперзвездой и одним из самых популярных людей на планете, когда ему не было и 20. Гениально одарённый в спорте тинейджер, он так и остался на всю жизнь подростком даже когда женился и стал отцом. Деньги всегда лились на него дождём. Борг привык побеждать и быть первым, поэтому, когда в теннисе появился игрок, не менее талантливый, чем он (*прим.ред.– Имеется в виду Джон Макинрой*), швед не выдержал и сбежал. С той поры у него вошло в привычку, постоянно сбегать от ответственности, уклоняться от обязанностей, не выполнять данного слова и предавать одного за другим друзей, любимых женщин и даже родных. Сегодня, он окружил себя кучкой подхалимов-нахлебников, которые постоянно славословят его, а за глаза вовсю потешаются над этим глубоко несчастным, несмотря на все его победы и свершения, и крайне одиноким, при всей его славе и популярности, человеком. Человеком, который за четыре с половиной десятилетия своей жизни, так и не стал взрослым.

Вместо эпилога: Я предвидел все последствия, которые вызовут мои мемуары. И понимал, что многие теннисные фанаты, воспитанные на преклонении перед Боргом, не поверят ни одному моему слову. Для них швед навсегда останется истинным джентльменом и великим спортсменом. Не стану их переубеждать – это бесполезное занятие. Скажу только – у меня в сравнении с ними есть одно небольшое преимущество. В отличие от них я целых пятнадцать лет тесно общался с Боргом и успел изучить его вдоль и поперёк. И, поверьте, собой радости мне это не доставило!